

Теория и методология

Дискуссии о «контролируемой экономике» в республиканском Китае (1930-е – 1940-е гг.)

© 2013

О. Борох

Концепция «контролируемой экономики» обрела популярность в республиканском Китае благодаря изучению зарубежного опыта и постановке задач ускоренного развития промышленности в целях укрепления обороноспособности страны. Углубление понимания специфики китайской экономики и расширение влияния либеральных идей привело ученых к признанию важности рыночных механизмов и поддержке смешанной экономики. Многие аспекты экономических дискуссий 1930–1940-х гг. близки к спорам современных китайских исследователей.

Ключевые слова: экономическая мысль, государственное вмешательство, Гоминьдан, либерализм, Ма Иньчу, Тан Цинцзэн.

Современные попытки китайских исследователей осмыслить уроки мирового экономического кризиса 2008–2012 гг. и найти способы ослабить его воздействие на экономику страны имеют исторический прецедент. Сходные проблемы китайские ученые обсуждали в 1930-е гг. на фоне «великой депрессии» на Западе. В то время ключевой темой стал государственный контроль над экономикой, дискуссия продолжалась почти два десятилетия и завершилась вместе с образованием КНР в 1949 г. Главное место в ходе обсуждения занимали вопросы о том, какая модель экономики нужна Китаю – свободная или контролируемая; если контроль необходим, то какими пределами он должен быть ограничен. Ученые также спорили о том, потребуется ли Китаю «контролируемая экономика» после завершения Второй мировой войны.

Наиболее представительные китайские исследователи республиканской эпохи получили профессиональное образование в 1920-е гг. в ведущих западных университетах. Во время учебы они знакомились, прежде всего, с идеями либерализма и свободной конкуренции, не предполагавшими прямого вмешательства государства в экономику. Разочарованию в англо-американской модели свободной экономики способствовала «великая депрессия». Другим существенным фактором стало военно-политическое давление со стороны Японии и осознание того, что китайская экономика должна быть готова к вооруженному конфликту.

В начале 1930-х гг. идеи контроля и планирования обрели в Китае огромную популярность и стали главной темой исследований китайских экономистов. Непосредственного участия в дискуссии о «контролируемой экономике» марксисты не принимали. Тем не менее, тогда уже были доступны в переводе на китайский язык советские труды по политэкономии, появились и экономические публикации китайских марксистов.

Основную роль в обсуждении играли влиятельные китайские экономисты, получившие образование в США. В начале 1930-х гг. они выступили в поддержку государственного вмешательства. Созданное в 1923 г. выпускниками американских университетов Китайское экономическое общество превратилось в центр по изучению и продвижению идей «контролируемой экономики»¹. Дискуссии шли на страницах ведущих общественно-политических и экономических изданий того времени – «Дунфан цзачжи», «Дули пинлунь», «Иньхан чжоубао», «Цзинцзисюэ цзикань», «Шэньбао юэкань», «Цзинци цзяньшэ цзикань», «Синь цзинци». Многие члены Китайского экономического общества публиковали свои размышления о «контролируемой экономике» на страницах издаваемого им научного журнала «Цзинцзисюэ цзикань».

Цель данной статьи — анализ эволюции взглядов китайских экономистов на проблемы контролируемой и плановой экономики, включая их оценки зарубежных теорий и практического опыта других стран. История китайской экономической мысли этого периода остается малоизученной за пределами Китая, единственной специализированной публикацией является книга П. Трескотта². Дискуссии соприкасались с официальным дискурсом и испытывали на себе его влияние, вместе с тем, подробное рассмотрение экономической политики Гоминьдана не входит в задачи статьи. Эти вопросы подробно освещены в публикациях А.В. Меликсетова, Г.Д. Сухарчука, В.М. Штейна, В.А. Козырева, Л.И. Мадьяра, Т. Роски и др.³

Формирование течения «контролируемой экономики» в начале 1930-х гг.

Появление течения «контролируемой экономики» (*тунчжи цзинци*) китайские авторы относят к осени 1932 г., когда это понятие впервые появилось в периодике в качестве программного лозунга.

В 1933 г. идея «контролируемой экономики» была воспринята гоминьдановскими властями. Летом 1933 г. глава Исполнительного юаня, министр финансов Сун Цзывэнь участвовал в Мировой экономической конференции в Лондоне. Он посетил ряд зарубежных стран и после возвращения на родину рекомендовал копировать их опыт и проводить в жизнь «контролируемую экономику». Эти предложения нашли поддержку среди предпринимателей, в экономической науке они стали главенствующими.

В 1934 г. Китайское экономическое общество провело ежегодную конференцию на тему создания в Китае «контролируемой экономики»⁴.

Первоначально участники дискуссии не имели четкого представления о том, что такое «контролируемая экономика», ее считали синонимом «плановой экономики». В октябре 1933 г. один из самых известных китайских экономистов XX в. Ма Иньчу, получивший докторскую степень в Колумбийском университете, заявил, что «контролируемая экономика также называется плановой экономикой (planned economy), она происходит из советского пятилетнего плана, успехи которого значительны». По мнению ученого, «контролируемая экономика» не означает обязательного следования по пути СССР, поскольку Германия и Италия с помощью иных средств также добились успехов в спасении своих экономик от депрессии. Ма Иньчу отмечал: «Кроме политики контроля и действий по плану другого пути нет. Только значение контроля бывает широким и узким — широким как в Советской России, узким как в Англии и США. Китай не должен мечтать

о российской системе... Следует знать, что советская система слишком крайняя, англо-американскую систему, не попробовав, также нельзя копировать»⁵.

Летом 1934 г. Чжан Суминь, получивший степень доктора экономики в университете Пенсильвании, предложил свою трактовку. Он полагал, что исходной концепцией является контролируемая, а не плановая экономика. «Контролируемая экономика» может быть реализована в широком или в узком смысле. Первый вариант применяется во многих капиталистических странах, второй («узкий») появился в ходе реализации советского опыта пятилетнего планирования⁶.

Тезис о фундаментальном различии между плановой и контролируемой экономикой развил в 1935 г. профессор университетов Дася и Гуанхуа Чжу Цинлай, обучавшийся в Японии в конце эпохи Цин. Он исходил из разграничения контроля (*тунчжи*) и управления (*гуаньли*). «Контроль» признает свободу отдельных элементов социально-экономической структуры, которым в определенных рамках разрешается действовать по собственному усмотрению. Контроль возможен и в свободной экономике, он призван обеспечить включение частных предприятий в новую организацию экономики, побудить их откликаться на политику государства. «Управление» означает, что решения, касающиеся всего общества и его отдельных частей, принимаются в соответствии с идеями правительства. Если такие методы распространяются на всю экономику и управление ведется центральными органами, где концентрируется власть – это плановая экономика. Чжу Цинлай заключил, что «контролируемая экономика» лишь ограничивает свободную конкуренцию, в то время как плановая ее уничтожает⁷.

Примерно за полтора года китайские экономисты прошли путь от смешения плана и контроля к осмысленному разделению этих понятий с учетом различий в структуре собственности и политической организации общества в разных странах. В 1934–1935 гг. они начали различать плановую и «контролируемую» экономику. Это нашло отражение в уточнении используемой терминологии: «плановую экономику» (*цзихуа цзинци*) стали относить к советской системе с полностью государственной собственностью, а «контролируемую экономику» (*тунчжи цзинци*) – к капиталистическим странам с частной собственностью.

Споры об осуществимости «контролируемой экономики» в китайских условиях

На начальном этапе дискуссии о перспективах «контролируемой экономики» возник вопрос о том, в какой очередности следует решать проблемы Китая.

Известный ученый, философ и общественный деятель Дин Вэньцзян, принимавший активное участие в мировоззренческих дискуссиях 1920-х гг., заявил, что в Китае невозможно адекватным образом применить иностранные учения, поскольку для этого нет надлежащих условий. Это относится и к «контролируемой экономике». Прежде всего, в Китае нет по-настоящему единого правительства. Это может быть допустимо в условиях либеральной экономики, но при попытке введения контроля в Китае власти не смогут проводить единую политику, и тогда единая в прошлом экономика будет разрушена. Во-вторых, для обеспечения всеобщности экономического контроля нужно вернуть оказавшиеся в руках иностранцев концессии и отменить ограничивающие суверенитет страны неравноправные договоры с зарубежными державами. В-третьих, нужно провести полную модернизацию административной системы, обеспечить отбор честных чиновников через экзамены, дать им достойное материальное содержание, повысить эффективность системы. По мнению Дин Вэньцзяна, коррупция и негибкость власти наносят свободной экономике сравнительно небольшой и косвенный ущерб, но при введении «контролируемой экономики» приведут к нарушению баланса спроса и предложения, другим негативным последствиям⁸.

Типичные ответы на эти доводы представил Ло Дуньвэй – автор публикаций о контролируемой и военной экономике, занимавший административные посты в министерстве промышленности гоминьдановского правительства. Он заявил, что Дин Вэньцзян, как и другие представители старшего поколения китайских интеллектуалов, не разобрался в том, что такое «контролируемая экономика», к тому же он вообще не обладает специальными экономическими знаниями.

Ученый перечислил три основных возражения Дин Вэньцзяна против планов строительства национальной экономики – тот утверждал, что сначала нужно преобразовать общество, добиться политического единства, избавиться от империалистического гнета. По мнению Ло Дуньвэя, на первый взгляд эти доводы кажутся правильными, однако здесь перепутаны причина и следствие. «Все видят только, что крах экономики нашей страны связан с проблемами в обществе, отсутствием единства в политике и гнетом империализма, но не задумываются, почему существуют проблемы в обществе, отсутствует единство в политике, почему нас угнетают империалистические страны. А это происходит как раз потому, что у национальной экономики нет основы»⁹.

Ло Дуньвэй отмечал, что «бес метафизики» (*сюаньсюэ гуй*) тысячелетиями заставлял китайцев мечтать об идеальном обществе и тратить силы на достижение политического единства. Напомним, что во время дискуссий 1920-х гг. обличителем «беса метафизики» был Дин Вэньцзян, выступавший против попыток выдать мистический интуитивизм за квинтэссенцию китайской культуры и отбросить западное научное мировоззрение. С точки зрения Ло Дуньвэя, именно «бес метафизики» заставлял китайскую молодежь и людей с революционными настроениями мечтать о движении за свержение империализма. «Однако развитие эпохи и актуальность кризиса не позволяют нам вновь упорствовать в своих заблуждениях. Мы должны глубоко уяснить, что в основе всего лежит “вопрос народного благосостояния”»¹⁰.

По мнению Ло Дуньвэя, политическая революция не решит проблемы народного благосостояния, о чем свидетельствует крах экономической политики, которую проводили в России после 1917 г. до введения нэпа. Для выхода из чрезвычайной ситуации Китая необходимы «чрезвычайная точка зрения» и «чрезвычайные действия», поэтому все усилия нужно сосредоточить на экономическом строительстве. «Оказавшимся в бурном море на разбитом судне нужно думать о том, как привести в порядок судно, чтобы оно могло справиться с волнами, а не о том, как уничтожить грозящую судну бурю»¹¹. В качестве первого шага он призвал к концентрации производства, отказу от всех ненужных проектов, сосредоточению трудовых и финансовых ресурсов для строительства национальной экономики. Эти высказывания отразили позицию близких к власти экспертов на проблемы «контролируемой экономики».

Сплочение власти, интеллектуалов и предпринимателей вокруг идеи «контролируемой экономики» привело к тому, что экономические споры первой половины 1930-х гг. вели люди, занимавшие сходные или очень близкие позиции. Критических выступлений практически не было, поскольку сторонников либерализма тогда в Китае было крайне мало, а марксисты в дискуссии вообще не участвовали. Современный исследователь Сунь Дацюань отметил, что отсутствие прямой полемики между представителями разных течений было специфической особенностью китайской экономической науки 1930-х гг.¹² Сторонники полного копирования западной либеральной или советской модели не оказывали прямого воздействия на ход обсуждения. Творческий поиск путей адаптации зарубежных экономических моделей и знаний к условиям Китая осуществляли представители основного течения китайской экономической мысли, занимавшие в этот период центристские государственно-экономические позиции.

Теоретические истоки и внешние примеры: становление идеологии «контролируемой экономики» в Китае в середине 1930-х гг.

Уже в начале 1930-х гг. китайские исследователи указывали на ограниченность применения зарубежного опыта контроля над экономикой. Ма Иньчу перечислил препятствия, не позволяющие Китаю заимствовать советскую плановую экономику. Прежде всего, в двух странах различные идеологии – «измы». СССР придерживается коммунистического учения Маркса, там государство владеет средствами производства и распределяет прибавочный продукт. В Китае следуют «трём народным принципам», и отношение к средствам производства и производимой продукции иное, чем в СССР. Отсутствие частной собственности сдерживает частную инициативу, поэтому в СССР преобразование многих производств опирается на коллективную инициативу. Однако в Китае основой является система частной собственности, для развития национального капитала необходима поддержка индивидуальной инициативы. Помимо этого, в СССР внешняя торговля давно находится в руках государства, что при всем желании невозможно повторить в Китае. Для осуществления контроля в этой сфере в Китае нет ни сильного правительства, ни честных чиновников, которые были бы способны отказаться от иностранных прианок¹³.

Расширение интереса к контролируемой экономике среди китайских экономистов сопровождалось ростом критики в адрес свободной конкуренции, служившей основой либеральной модели капитализма. Альтернативой индивидуализму становились идеи этатизма (*гоцзячжун*) и универсализма (*цюаньтичжун*), развитые в немецкой экономической мысли. Обращение к этим идеям происходило на фоне подъема общего интереса к опыту создания «контролируемой экономики» в Германии.

Одним из главных пропагандистов универсализма был Ма Иньчу, который видел в этом учении основу для создания в Китае контролируемой экономики. Ма Иньчу исходил из того, что англо-американский либеральный капитализм и советский социализм не соответствуют китайским условиям, наилучшей теорией для Китая он считал универсализм, изложенный австрийским экономистом и социологом Отмаром Шпанном.

Китайский ученый полагал, что движение Китая в сторону индивидуализма и либерализма опасно. В этом случае структура нации будет подобна «рыхлому песку», на фоне роста национализма и сплоченности в других странах это может привести Китай к «поражению в естественном отборе». С другой стороны, движение по пути социализма возлагает на руководство страны полноту ответственности за развитие экономики. В этом случае правительство должно обладать высокими моральными качествами, огромными талантами и крепко держать в руках власть. Однако у китайского правительства «на протяжении тысячелетий накопились закоренелые пороки, бюрократы работали кое-как, военные самоуправствовали»¹⁴.

Китайские ученые отмечали, что создаваемая в Китае экономическая система не имеет отношения к идеологии коммунизма. Обращение к опыту Германии 1930-х гг. и универсалистским идеям немецких экономистов также не означало, что китайских экономистов привлекал фашизм. Это было стремление обосновать ссылками на зарубежные взгляды собственную попытку создания концепции «контролируемой экономики», не опирающейся на советский марксизм. Чаще всего в китайских публикациях на тему «контролируемой экономики» можно было видеть ссылки на заветы Сунь Ятсена, его план индустриализации Китая и гоминьдановскую идеологию «трех народных принципов». К примеру, Чэнь Чанхэн, получивший образование в Гарвардском университете, с 1928 г. член Законодательного юаня Национального правительства, полагал, что экономическая теория «контролируемой экономики» ранее уже была четко изложена Сунь Ятсеном¹⁵.

Другие авторы стремились представить более широкую палитру идейно-теоретических источников политики государственного вмешательства. Среди китайских сторонников «контролируемой экономики» был популярен американский ученый Дж.М. Кларк, который в книге «Общественный контроль над экономикой» (1926) раньше других объяснил, что общество с помощью политической власти и деловых ассоциаций должно контролировать ориентированный на извлечение прибыли частный бизнес. Также упоминали о советской концепции плановой экономики и о вкладе в разработку теории «контролируемой экономики» основателя немецкой исторической школы Ф. Листа¹⁶.

В первой половине 1930-х гг. интерес китайских исследователей к антикризисной политике США был незначительным. Авторитетный специалист по истории экономической мысли республиканского Китая Сунь Дацюань отмечает, что при обсуждении «контролируемой экономики» китайские авторы очень редко упоминали кейнсианскую теорию¹⁷. Поскольку Дж.М. Кейнс считался в Китае специалистом в области денег и финансов, его теория государственного вмешательства имела мало отношения к подъему китайской «контролируемой экономики», лишь его теория управления денежной эмиссией оказала влияние на китайский контроль в денежной сфере¹⁸. Китайские эксперты возлагали надежды на прямое вмешательство государства в экономику с помощью советских или германских методов, а не на американское регулирование, опиравшееся на теорию полной занятости Кейнса и «новый курс» Рузвельта.

Недоверие к либеральной экономике невмешательства подкреплялось в 1930-е гг. осознанием того, что она не может дать Китаю пример быстрого преодоления экономической отсталости и создания военного потенциала для противостояния внешнему врагу.

Тем временем внимание к достижениям советской экономики вышло далеко за рамки коммунистического движения, охватив многих представителей интеллигенции. В начальный период войны с Японией эта тенденция усилилась. Основой для восхищения советской и немецкой моделями была их способность обеспечить быстрый переход от отсталости к передовому техническому уровню.

По мнению современного исследователя Янь Шуциня, интеллектуалы и представители истеблишмента «никогда не признавали всего социалистического строя СССР, направляемого марксизмом-ленинизмом, точно также они не признавали фашистского политического строя в Германии». В отношении обеих стран интерес был ограничен успехами в области индустриализации и развития военной промышленности. Стимулом для пропаганды опыта СССР и Германии служило желание «во-первых, ускорить оборонное строительство, во-вторых, скорее добиться, чтобы Китай догнал передовые промышленные страны»¹⁹.

Гоминьдановские чиновники и выступавшие на стороне властей исследователи стремились расширить свои познания о зарубежной практике экономического планирования. В 1937 г. министр экономики Вэн Вэньхао и секретарь Министерства экономики, известный исследователь социально-экономических проблем Китая У Цзинчао побывали в Европе и ознакомились с опытом Германии и СССР, что стало для них дополнительным стимулом к поиску путей повышения обороноспособности Китая с помощью экономического планирования.

По мнению Сунь Дацюаня, знакомство с советским и германским опытом повлияло на формирования стратегии «догоняющей индустриализации» Вэн Вэньхао. Он призывал обеспечить высокие темпы индустриализации, полагая, что отсталый Китай также может за десять лет превратиться в современное государство. Вэн Вэньхао полагал, что к трем системам – англо-американской, немецкой и советской — надо подходить избирательно, создавая в Китае контролируемую смешанную экономическую систему. По мнению Вэн Вэньхао, при англо-американской системе экономическое строительство слишком медленное, в СССР оно ведется быстро, однако при движении по этому пути

надо уничтожить систему частной собственности. В Германии темпы строительства быстрые, в то же время сохраняется частная собственность, поэтому Вэн Вэнхэо более всего симпатизировал немецкой модели контроля²⁰.

Особенностью советской модели было ускоренное развитие тяжелой промышленности за счет ограничения потребления. Однако в начальный период войны китайские эксперты были готовы согласиться с такой политикой. После посещения СССР и Германии У Цзинчао пришел к выводу, что укрепление обороноспособности важнее, чем улучшение жизни народа. Он отмечал, что у жителей Сибири может не быть обуви или чулок, но советские самолеты из Москвы через Северный полюс летят в Сан-Франциско; в Москве не хватает домов для жилья, но в день парада на Красной площади можно увидеть множество танков²¹.

В конце 1930-х гг. китайские интеллектуалы поддерживали политику государственного вмешательства в экономику, призывая к изучению опыта СССР и Германии. С точки зрения применимости немецкий опыт был более предпочтительным, поскольку не требовал полного перехода к государственной собственности и мог быть использован в условиях смешанной экономики. Это отразилось и в более четком использовании терминологии китайскими авторами: экономику СССР они называли плановой, а экономику Германии – контролируемой. В первом случае основой служили государственные и коллективные предприятия, во втором – частные. Вместе с тем восприятие Германии как военно-политического союзника Японии привело к тому, что в период войны китайские эксперты стали реже хвалить немецкий опыт. Напротив, сохранению высокой степени интереса к советской плановой модели, при всех ее недостатках, способствовало позитивное отношение к СССР как к союзнику Китая в борьбе с японской агрессией.

Либеральная критика «контролируемой экономики»: Гу Ицюнь и Тан Цинцзэн

Увлечение лозунгами экономического контроля и планирования в республиканском Китае отчасти можно объяснить тем, что идеи рыночного либерализма были для китайских интеллектуалов новыми и непривычными. Ознакомление с западной экономической мыслью началось в Китае в 1902 г. с публикации перевода классической работы Адама Смита, выполненного известным мыслителем Янь Фу. «Богатство народов» пропагандировало принципы свободной экономики, однако они не были восприняты образованными китайцами.

Исследователь китайской экономической мысли Чжун Сянцай заметил, что «из-за влияния традиционных концепций и особых исторических условий китайцы сдержано относились к признанию экономической свободы»²². У такого отношения были две основные причины. Во-первых, влияние традиционных представлений о важной роли государства в организации общественной и хозяйственной жизни, ставшее привычкой пренебрежение к торговле. Оказывали воздействие и моральные нормы конфуцианства, ставившие на первое место «долг-справедливость» (*и*) и порицавшие стремление к частной выгоде (*ли*). Во-вторых, идеи либерализма пришли в Китай в период социальных перемен, когда власть государства была ослаблена, а страна была подчинена диктату иностранных держав. Лишь немногие мыслители полагали, что Китай станет сильнее и богаче, если откроет двери для неограниченной конкуренции с иностранными капиталистами. Идеи централизации власти, государственного руководства экономическим развитием и внешнеторгового протекционизма казались наиболее соответствующими ситуации.

В 1930-е гг. на фоне широкого распространения идеологии «контролируемой экономики» лишь отдельные исследователи высказывались в пользу экономической свободы.

Одним из сторонников свободной экономики был Гу Ицонь. В 1920-е гг. он изучал экономику в США, в 1924 г. вернулся в Китай, в 1936 г. занимал должность советника Исполнительного юаня, работал в банковской сфере, участвовал в Бреттон-Вудской международной конференции, в 1946 г. был назначен на работу в МВФ. В середине 1930-х гг. Гу Ицонь выступил с критикой плановой экономики советского образца, используя идеи ведущих западных либеральных экономистов – Л. фон Мизеса, голландского экономиста Н.Г. Пирсона, Ф. фон Хайека. Гу Ицонь подчеркивал, что только рынок способен эффективно распределить ресурсы. В статье «Экономическая мысль и преобразование общества», опубликованной в августе 1935 г., ученый предложил три критерия оценки экономической системы. Способна ли она обеспечить рациональное и сбалансированное увеличение накопления капитала? Может ли регулировать изменения конъюнктуры, не нанося ущерба духовной и материальной жизни народа? Может ли обеспечить справедливое распределение доходов всего населения, чтобы каждый обладал покупательной способностью, позволяющей вести подобающую жизнь? Исследователь пришел к выводу, что по этим трем критериям плановая экономика советской модели уступает свободной экономике²³.

Гу Ицонь указывал, что растущие и все более многообразные потребности людей не поддаются плановому регулированию. Желая продемонстрировать несостоятельность советской модели, он стремился доказать, что при ее осуществлении в мировом масштабе ориентиры для определения эффективности производства будут полностью утрачены. «В нашем мире свобода потребления – самое ценное. У богатых есть свобода смотреть спектакли и ездить на автомобиле, у бедных – свобода заниматься бродяжничеством и пить водку. Как только в кармане появляются деньги, у любого человека возникают несколько тысяч или десятков тысяч способов их потратить. Поговорим о потребностях одного человека в определенном товаре, а не о том, подходящая ли цена данного товара. Люди, которые обычно покупают пачку табака за двадцать медных монет, при повышении цены за пачку до ста медных монет могут отказаться от курения табака и купить газету для чтения. Те, кто выступают за плановую экономику, мечтают, как инженеры в комнате для чертежей, спланировать и определить постоянно изменяющиеся привычки потребления людей. Разрешите спросить, может ли это иметь успех? Сейчас только в Советской России проводится плановая экономика, хотя в данной стране нет свободного рынка, но там по-прежнему может использоваться рынок стран капиталистической системы в качестве критерия оценки собственного производства. Если предположить, что осуществится идеал сторонников плановой экономики, и весь мир будет проводить эту систему, то будет полностью утерян критерий для оценки. Откуда американцы будут знать, что им не следует поощрять выращивание тунговых деревьев, а китайцы – что им не следует производить автомобили? Разрешите спросить, не является ли такое производство производством вслепую?»²⁴.

Другим защитником либерализма стал известный исследователь истории китайской экономической мысли Тан Цинцэн. В 1933 г. он принял участие дискуссии о модернизации Китая, организованной журналом «Шэньбао юэкань». В специальном выпуске издания среди 26-ти статей на эту тему лишь его публикация «Модернизация китайского производства должна использовать индивидуализм» призывала двигаться в направлении свободной капиталистической экономики²⁵.

Тан Цинцэн не отрицал социализм как таковой, полагая, что он подходит для стран, где главной проблемой является неравенство бедных и богатых. По мнению ученого, социализм обращает внимание на распределение, однако в Китае на первом месте находится проблема развития производства. Важно не перепутать последовательность решения этих задач. В отсталых странах, к которым относится Китай, следует начинать с поиска методов увеличения богатства. Для этого лучше всего подходит индивидуализм, который лежит в основе частного капитализма. Позднее, когда появится богатство и по-

степенно образуется неравенство в распределении, государство будет искать способы регулирования этого дисбаланса, в том числе используя методы социализма.

В 1936 г. в статье «С точки зрения истории посмотрим, какую впоследствии в нашей стране следует проводить экономическую политику» Тан Цинцзэн обосновал необходимость либеральной экономики с опорой на историю экономической мысли.

Ученый считал, что экономическая политика является продуктом истории, поэтому при ее разработке необходимо принимать во внимание наследие общественных деятелей прошлого, начинания которых в экономической сфере имели успех. В качестве примеров из западной истории ученый назвал британских политиков У. Питта и У. Гладстона, в Китае значимую роль сыграли Чжоу-гун (11 в. до н.э.), Шан Ян, Ван Аньши и др. Тан Цинцзэн подчеркивал, что при попытках заимствования зарубежного экономического опыта следует учитывать национальную специфику, особенности социально-культурной среды и привычек людей. «Когда мандариновое дерево пересаживают на другой берег реки Хуайхэ, сладкие плоды превращаются в кислые, когда воробей [осенью] входит в воду, он превращается в лягушку. Если полностью копировать политику разных стран Запада и проводить ее, это неизбежно приведет к неполной совместимости [с китайской ситуацией], поэтому старую политику нельзя не изучать. Старые институты продолжают сохраняться до наших дней, это означает, что они обладают ценностью, которая придает им устойчивость, к тому же история Китая длинная, традиции и привычки нельзя сразу разрушить. Поэтому нельзя не принимать постепенных мер по их обновлению, чтобы, с одной стороны, можно было приспособиться к новой среде, а с другой – не подвергнуться старым привычкам, тогда жизнь национальной экономики постепенно войдет в нормальную колею»²⁶.

Акцент на истории и традиционных институтах выделялся на фоне общих настроений китайских интеллектуалов того времени, стремившихся порвать с прошлым и найти за границей новые духовные источники для развития страны. Тан Цинцзэн был известным историком китайской экономической мысли и автором одной из первых в Китае специализированных научных монографий на эту тему²⁷. Глубина исторических познаний повышает весомость его трактовки традиционной экономической политики. Если Ма Иньчу и другие сторонники «контролируемой экономики» утверждали, что Китаю всегда было присуще жесткое государственное регулирование экономической жизни²⁸, Тан Цинцзэн сосредоточил внимание на исторических корнях свободной экономики.

Ученый заявил, что исторически экономическая политика в Китае склонялась к невмешательству государства в экономику: люди соперничали друг с другом в борьбе за извлечение прибыли, но государство их соперником не было. В прошлом успехи казенных предприятий всегда были небольшими, а частные предприятия даже в неблагоприятной обстановке могли поддерживать свое существование. Шан Ян, Ван Ман, Ван Аньши и им подобные терпели поражение, когда пытались проводить политику вмешательства. Напротив, Чжоу-гун, Лю Янь (716–780 г. н.э., династия Тан), Лу Чжи (754–805 г. н.э., сановник и ученый эпохи Тан) и другие добились успеха благодаря политике невмешательства²⁹.

Тан Цинцзэн уделил особое внимание тем концепциям традиционной китайской экономической мысли, которые он считал неприменимыми в современных условиях. Прежде всего, это идея равного распределения богатства (*цзюнь фу*), длительное время находившаяся в центре китайской экономической политики. Конфуций говорил: «Я слышал, что те, кто управляют государством или большим родом, озабочены не тем, что [богатств] недостаточно, а тем, что распределены они неравномерно; озабочены не тем, что народ малочислен, а тем, что [в стране] неспокойно»³⁰. Предполагалось, что после равномерного распределения богатства люди смогут жить спокойно. По мнению Тан Цинцзэна, такие представления вели к тому, что в Китае «желаний было мало, пропагандировалось стремление к экономии, материальные требования были крайне низкими,

поэтому при проведении экономической политики правителям требовалось лишь поддерживать равенство в распределении имущества, и тогда можно было пребывать в мире»³¹. Ученый отметил, что в прошлом такая политика имела определенную ценность, но сегодня, когда «народ беден и богатство истощено», нет смысла ее придерживаться. Он вновь подчеркнул, что в реализации экономической политики есть последовательность действий. Новый экономический курс в Китае призван поддерживать производство с помощью создания условий для накопления капитала: сначала страна должна разбогатеть, и лишь после этого государству следует позаботиться о перераспределении богатства с помощью налогообложения.

Не соответствует современным условиям и традиционная политика экономической самодостаточности (*цзы цзу*), ставшая препятствием для прогресса. С точки зрения Тан Цинцзэна, в нынешней мировой экономической ситуации использовать методы самообеспечения и сохранять закрытость становится невозможно, попытки отгородиться от мира обречены. Китаю нужно действовать вместе с державами, устанавливать связи и находить общие интересы, нельзя противостоять течению эпохи, следует получать выгоду от международного разделения труда³².

Сунь Дацюань заметил, что влияние Гу Ицюня в республиканском Китае было больше, чем у Тан Цинцзэна. На формирование либеральной позиции Гу Ицюня повлияла поездка в Европу и США в 1934–1935 гг. Он изучал денежные системы иностранных государств, встречался с ведущими западными экономистами того времени, в том числе, Ф. фон Хайеком, после чего стал пропагандировать либерализм. Взгляды Тан Цинцзэна были устоявшимися, они отражали либеральные представления об экономике, которые экономист получил во время обучения в Гарвардском университете, где одним из его учителей был Ф.У. Тауссиг³³.

Выступления Гу Ицюня и Тан Цинцзэна представляют интерес прежде всего потому, что их критика государственного вмешательства в экономику была последовательной и основанной на либеральной теории. Они почти на десятилетие опередили своих современников, которые в 1930-е гг. поддерживали идею «контролируемой экономики». В начале 1940-х гг. многие ведущие экономисты, первоначально выступавшие за контроль со стороны государства, разочаровались в этой политике, осознав неспособность гоминьдановского правительства взять на себя руководство экономическим развитием. В качестве примера подобной эволюции можно указать на Ма Иньчу, который в середине 1930-х гг. вступал против индивидуализма в экономике, а во второй половине 1940-х гг. утверждал, что эпоха свободного капитализма в Китае не только не закончилась, но даже и не наступила³⁴.

К числу последовательных сторонников либеральных экономических идей относился также Цзян Шоцзе, получивший докторскую степень в Лондонской школе экономики. Ученый утверждал, что плановая экономика плоха тем, что она дает правительству слишком большие права, которыми власть будет злоупотреблять³⁵.

Однако с критикой авторитаризма, коррупции и «бюрократического капитализма» в республиканском Китае выступали не только либералы, но и левые политические силы. Победителями в этом споре стали коммунисты, приступившие в 1950-е гг. к созданию плановой экономики под руководством сильной централизованной власти.

Чжун Сянцай отметил, что в 1930-е – 1940-е гг. сторонники либеральной экономики были «изолированы и лишены всяческой поддержки», и их взгляды не повлияли на экономическую политику тех лет. Однако «проведенное ими ценное осмысление командной экономики стало важным идейным ресурсом для последующей трансформации китайской экономики, в более широком смысле, они сыграли необходимую стимулирующую роль в продолжении и развитии идей свободной экономики в Китае»³⁶.

Это стало заметно лишь в годы реформ, когда многие положения экономических преобразований оказались близки идеям китайских либералов 1930-х – 1940-х гг. К при-

меру, можно увидеть сходство между призывами Тан Цинцэна поставить на первое место накопление капитала и политикой начального периода реформ, призывавшей наиболее деятельных членов общества «обогатиться первыми», заменяя уравнительную справедливость созданием мотивации для извлечения прибыли. Это же относится к его аргументации в пользу экономического сотрудничества с внешним миром. По-прежнему остается актуальной высказанная Гу Ицюнем критика идей торгового протекционизма и экономической самодостаточности. Взгляды китайских либеральных экономистов, вышедшие несвоевременными в 1930-е гг., оказались созвучны лозунгу «открытости», выдвинутому в период экономических реформ в конце 1970-х гг.

Критическое переосмысление «контролируемой» экономики в 1940-е гг.

В 1940-е гг. в китайском экономическом сообществе влияние идеологии государственного контроля заметно ослабло. Среди многих причин этой перемены можно отметить подъем интереса к экономической политике США, сумевших преодолеть «великую депрессию». Не менее важным стимулом стало стремление сформулировать всеобъемлющую стратегию послевоенного развития китайской экономики, предполагающую широкое использование частного предпринимательства.

В китайских научных кругах возникла новая понятийная среда для обсуждения. В начале 1930-х гг. центральное место в дискуссиях занимала «контролируемая экономика», которая подразумевала сильную роль государства и рассматривалась экономистами как постоянная система на длительную перспективу. Однако в годы войны по мере успехов союзников в борьбе с Японией наряду с обсуждением «экономики военного времени» (*чжаньши цзинцзи*) появилась тема «послевоенной экономики» (*чжаньхоу цзинцзи*), которая могла быть как контролируемой, так и свободной. В выступлениях экономистов стала проводиться мысль об ослаблении роли государства после завершения войны.

В начальный период войны (1937–1940 гг.) экономические дискуссии сводились к обсуждению использования методов «контролируемой экономики» немецкого образца и советской плановой экономики для укрепления обороноспособности страны и развития хозяйства в тыловых районах. Однако уже в 1942–1943 гг. увеличились ряды сторонников смешанной экономики, сочетающей элементы плана, контроля и свободного рынка. Происходило постепенное преодоление порожденного кризисом 1930-х гг. недоверия к свободной экономике. При этом исследователи проявляли все больше интереса к экономике США, показавшей жизнеспособность в период войны.

Глубокое переосмысление плановой экономики началось в Китае в 1943 г. Обсуждение было инициировано Чэнь Чжэньханем. После завершения обучения в Нанькайском университете он отправился в Гарвард, где защитил докторскую диссертацию, а в 1940 г. вернулся в Китай. Ученый не отрицал необходимости государственного хозяйствования в тяжелой промышленности, однако считал, что оно не должно распространяться на экономику в целом, и потому его не следует отождествлять с плановой экономикой. Чэнь Чжэньхань писал о практических трудностях при введении плановой экономики, подчеркивая, что в Китае главным препятствием для всестороннего планирования является чиновничья коррупция; кроме того, для разработки плана потребуются большие дублирующие административные структуры, создать которые в Китае не так просто³⁷. Ученый также дал подробный критический анализ опыта СССР и Германии, назвав «мифом» устоявшиеся представления о том, что советские достижения в укреплении экономики и обороноспособности полностью связаны с плановой экономикой. По мнению Чэнь Чжэньханя, успехи СССР объяснялись прежде всего умелым использованием зарубежной техники и наличием богатых природных ресурсов³⁸.

Среди ученых развернулась дискуссия о том, на какую модель экономики следует ориентироваться после войны, должна ли это быть свободная экономика или «экономика вмешательства». Идея государственного вмешательства в экономику стала менее популярной, а исследователи все чаще высказывались в поддержку развития частной экономики в условиях свободной конкуренции американского типа.

После 1943 г. в Америку отправились многие китайские исследователи – У Цзинчао, Ли Чжюминь, У Дае, Гу Чуньфань. Изучение ситуации в экономике США приводило ученых к резким переменам в идеях: от уклона в сторону моделей вмешательства в экономику образца СССР и Германии они повернулись к признанию американской модели свободной экономики³⁹.

В этот период стал заметным разрыв между взглядами профессиональных исследователей, склонявшихся к концепции свободной экономики, и правительственных экспертов и чиновников, сохранявших приверженность идеям контроля и плана.

Один из ведущих экономистов республиканского периода Лю Дацзюнь в книге «Индустриализация и промышленное строительство в Китае» (1944) выступил против крайностей полного контроля и отсутствия контроля. Он предложил начать с определения приоритетов в развитии экономики и обеспечения ее сбалансированного развития. Для этого нужна власть, способная создать новые правила для частного бизнеса, но не претендующая на подчинение всей хозяйственной жизни. Ученый выступил за использование государственного вмешательства как инструмента проведения индустриализации без подавления частного предпринимательства. Лю Дацзюнь считал, что планы развития военной мощи Китая можно будет формулировать «пассивно» исходя из международной ситуации – при снижении уровня внешней угрозы у страны не будет потребности в активных оборонительных приготовлениях. Тем временем цель улучшения жизни народа (*миньшэн*) он считал «активной», к которой нужно стремиться при любой ситуации, даже в условиях военного конфликта. По мнению Лю Дацзюня, после войны улучшение жизни народа должно стать необходимой и долгосрочной задачей⁴⁰.

Хотя война еще продолжалась, экономисты смотрели в будущее с большим оптимизмом, полагая, что после разгрома Японии у Китая не будет необходимости тратить драгоценные ресурсы на увеличение оборонительного потенциала, а партнерство с США откроет путь к получению инвестиций и расширению внешней торговли. Пример СССР по-прежнему вызывал большое уважение, однако китайские экономисты все чаще относили плановые методы хозяйства к переходному периоду. Это означало, что по мере развития экономики плановый контроль должен быть ослаблен, государство должно отступить.

В короткий промежуток времени между завершением Второй мировой войны и образованием КНР обществоведы высказали ряд идей, похожих на трактовку плана и рынка, ставшую основой для экономических реформ в КНР в 1980-е гг. В 1948 г. У Цзинчао заявил, что на основании одного только опыта СССР между плановой экономикой и социализмом нельзя ставить знак равенства, поскольку плановую экономику использовали в разные эпохи в странах с различными социальными системами. Плановая экономика наилучшим образом позволяет привести производство в соответствие с потребностями военного времени, осуществить ускоренную индустриализацию за счет внутренних ресурсов путем использования высокой нормы накопления при невозможности получить иностранные инвестиции. Однако она требует введения централизованного контроля и передачи управления в руки небольшого числа людей, результат их работы вряд ли будет лучше, чем эффект механизма цен. Если же управленцы начнут использовать свои особые права в личных интересах, народу будет нанесен очень большой вред. Социализм заботится о благосостоянии людей, а плановая экономика лишает их экономической свободы, поэтому без нее лучше обойтись. «До сегодняшнего дня мы не видели системы, которая в защите свободы потребления людей превосходила бы механизм

цен. Поэтому я не хочу видеть свадьбы социализма и плановой экономики, я хочу, чтобы он сто лет до старости прожил в любви вместе с механизмом цен»⁴¹.

В 1947 г. Ма Иньчу в статье «Путь экономики Китая» призывал разработать китайскую стратегию экономического развития на основе соединения преимуществ трех моделей – советской, англо-американской и немецкой. В такой системе государственные и частные предприятия должны развиваться совместно, что отвечало бы потребностям эпохи и собственным возможностям Китая, при этом смешанная система не должна быть бесплановой⁴². Примечательно, что Ма Иньчу более не обращался к концепции «контролируемой экономики» и называл соответствующую условиям Китая модель «системой смешанной экономики» (*хуньхэ цзинцзи чжиду*). По сути это был еще один вариант соединения свободного рынка и государственного планирования.

Сходных воззрений придерживался также один из наиболее авторитетных экономистов республиканского периода Хэ Лянь, который в середине 1940-х гг. участвовал в разработке официальных планов развития страны. Он выступал в защиту смешанной системы, когда при сохранении частной собственности совместно развиваются государственные и частные предприятия⁴³. Представляется, что эта позиция отражала взгляды основного течения в китайской экономической науке второй половины 1940-х гг.

В середине 1940-х гг. укрепление мирового влияния США и возрождение идеологии либерализма привели к тому, что многие китайские ученые начали критиковать государственное вмешательство с позиции свободной экономики. Эту тенденцию можно трактовать как возвращение основного течения китайских экономистов к «идейным истокам» своих воззрений, сформировавшихся под влиянием англо-американской традиции. Этот процесс длился недолго и был прерван вместе со сменой социально-политической системы.

Основные выводы

После увлечения в 1930-е гг. теориями плана и контроля в 1940-е ученые вновь пришли к идеям свободной экономики, которые они впитали во время обучения на Западе в 1920-е гг. Однако публикации 1945–1948 гг. показывают, что китайские сторонники частного предпринимательства более не повторяли устаревшие иностранные либеральные рецепты. С опорой на опыт, накопленный за два десятилетия, ученые пытались найти оптимальное соотношение функций рынка и государства с учетом специфики страны.

1920-е – 1930-е гг. были периодом становления китайской экономической науки. Исследователи, получившие профессиональную подготовку в зарубежных университетах, после возвращения на родину пытались адаптировать свои познания к ситуации в Китае. Они обнаружили, что ни советскую плановую экономику, ни «контролируемую экономику» нацистской Германии, ни либеральную экономику Запада нельзя заимствовать механически. За несколько десятилетий в научных кругах возникло понимание того, что копированию мешают институциональные и культурные барьеры, поэтому единственный путь – это создание собственной китайской модели развития с опорой на иностранный опыт.

Восприятие успехов одних стран и неудач других стало важным фактором, влиявшим на взгляды китайских экономистов. Не менее существенным элементом была оценка внешней военной опасности, влиявшая на отношение интеллигенции к власти. В 1930-е гг. осознание роста японской угрозы побуждало экспертов искать возможности ускоренной модернизации с опорой на правительство и государственный капитал. Влияние идеологии «контролируемой экономики» достигло пика в первые годы войны, после чего ее авторитет начал снижаться вместе с размыванием патриотической консолидации научных кругов вокруг правительства. В середине 1940-х гг. отчуждение интеллигенции от власти стало нарастать, выступления в поддержку демократии и свободной экономики

стали средством борьбы против коррумпированного «бюрократического капитализма», построенного на слиянии власти и деловых интересов. Хотя китайские экономисты и прежде предупреждали о непригодности гоминьдановской политической системы для выполнения роли командного центра экономического развития, после завершения войны эти рассуждения зазвучали с новой силой, поскольку неэффективность государства стала особенно заметной в условиях мирного времени.

Дискуссия о «контролируемой экономике» 1930-х – 1940-х гг. расширила представления китайских ученых о роли государства в экономике. В ее завершающий период в преддверии образования КНР господствующая точка зрения сводилась к тому, что регулируемая экономика носит смешанный характер и должна быть основана на сочетании государственной и частной собственности. Несмотря на существенное изменение социально-политического контекста развития Китая, эти взгляды вполне могут быть сопоставлены с нынешними программами развития страны.

В 1949 г. Китай встал на путь копирования советской плановой экономики вместе с ее политическими институтами и начал развиваться по сценарию, который экономисты республиканского периода считали неприемлемым. Однако через несколько десятилетий начался новый этап поисков собственного пути развития, сопровождавшийся углублением понимания национальной специфики Китая, критикой советской модели и движением в сторону рыночной экономики. Многие вопросы, обозначившиеся в начале китайских реформ в 1980-е гг., оказались близки к сюжетам полувековой давности – как использовать все полезное из иностранного опыта экономического развития, как совмещать государственное планирование, частную инициативу и механизм рыночных цен, как строить новую смешанную экономику.

1. *Сунь Дацюань*. Чжунго цзинцзисюэ дэ чэнчжан — Чжунго цзинцзи сюэшэ яньцзю (1923—1953) [Рост китайской экономической науки — Исследование китайского экономического общества (1923—1953)]. Шанхай: Шанхай саньяньшэ шудянь, 2006. С. 250.
2. *Trescott P. Jingji Xue: The History of the Introduction of Western Economic Ideas into China, 1850–1950*. Hong Kong: The Chinese University of Hong Kong, 2007.
3. *Козырев В.А.* Поиск модели экономического развития и применение идеи «планового хозяйства» в гоминьдановском Китае 30–40-х годов // Общество и государство в Китае. XXXI научная конференция. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2001. С. 256–266; *Меликсетов А.В.* Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае (1927–1949). М.: Наука, ГРВЛ, 1977; *Сухарчук Г.Д.* Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в. М.: Наука, ГРВЛ, 1983; *Мадьяр Л.* Очерки по экономике Китая. М.: Изд-во ком. Академии, 1930; *Штейн В.М.* Экономический очерк Китая // Китай. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 63–106; *Rawski T.* Economic Growth in Prewar China. Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 1989.
4. *Сунь Дацюань*. Чжунго цзинцзисюэ дэ чэнчжан. С. 249.
5. *Ма Иньчу*. Тунчжи цзинцзи вэньти [Проблемы контролируемой экономики] // Ма Иньчу цюаньцзи [Полное собрание сочинений Ма Иньчу]. Ханчжоу: Чжэцзян жэньминь чубаньшэ, 1999. Т. 6. С. 459–460.
6. *Чжан Суминь*. Тунчжи цзинцзи дэ ии (Цзай Дася дасюэ яньцзян гао) [Значение контролируемой экономики (Набросок лекции в Университете Дася)] // Цзинцзисюэ цзикань. 1934. Т. 5, № 2. С. 52–56.
7. *Чжу Цинлай*. Тунчжи цзинцзи юй Чжунго [Контролируемая экономика и Китай] // Цзинцзисюэ цзикань. 1935. Т. 5, № 4. С. 73–74.
8. *Дин Вэньцзян*. Шисин тунчжи цзинцзи дэ тяоцзянь [Условия для введения контролируемой экономики] // Дули пинлунь. 1934. 8 июля г.; *Чэнь Чжэцзю, Ли Юй* (ред.). Чжиду сюньцзун. Гунсы чжиду цюань [Поиск институтов]. Шанхай: Шанхай цайцзин дасюэ чубаньшэ, 2009. С. 265–267.
9. *Ло Дуньвэй*. Чжунго тунчжи цзинцзи лунь [Теория контролируемой экономики в Китае]. Шанхай: Синь шэнмин шуцзюй. 2-е изд. 1935. С. 3–4.

10. Там же. С. 4.
11. Там же.
12. *Сунь Дацяоань*. Миньго шици дэ Чжунго цзинцзисюэ юй цзинци сысян [Экономическая наука и экономическая мысль республиканского периода] // Гуйчжоу цайцзин сюэюань сюэбао. 2011. № 6 (155). С. 69.
13. *Ма Иньчу*. Чжунго цзинци гайцзао [Преобразование экономики Китая]. Шанхай: Шаньу иньшугуань, 1935. С. 199–201.
14. Там же. С. 3–5.
15. *Чэнь Чанхэн*. Миньшэнчжуи чжи цзихуа цзинци юй тунчжи цзинци [Плановая экономика принципа народного благосостояния и контролируемая экономика] // Цзинцзисюэ цзикань. 1935. Т. 5, № 4. С. 84.
16. *У Дэпэй*. Тунчжи цзихуа цзишу сань чжун цзинци юй Чжунго [Три экономики — контролируемая, плановая и техническая и Китай] // Цзинцзисюэ цзикань. 1935. Т. 5, № 4. С. 108–109.
17. *Сунь Дацяоань*. Чжунго цзинцзисюэ дэ чэнчжан. С. 255.
18. О влиянии идей Дж.М. Кейнса в Китае см.: *Trescott P.* How Keynesian Economics Came to China // *History of Political Economy*. 2012. Vol. 44, № 2. P. 341–364.
19. *Янь Шуцинь*. Гоцзя юй цзинци: Канчжань шици чжишицизе гуаньюй Чжунго цзинци фачжань даолу дэ луньчжэн [Государство и экономика: споры интеллигенции о пути развития китайской экономики в период Антияпонской войны]. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2010. С. 209.
20. *Сунь Дацяоань*. Ганьчао чжаньлюэ юй пинхэн фачжань — Вэн Вэньхао юй Ма Иньчу лян чжун гуньехуа даолу дэ бицзяо яньцзю [Догоняющая стратегия и сбалансированное развитие — сравнительное исследование двух путей индустриализации Вэн Вэньхао и Ма Иньчу] // Фудань сюэбао (Шэхуй кэсюэ бао). 2012. № 5. С. 96–97.
21. *У Цзинчао*. Чжунго гуньехуа дэ туцзин [Пути индустриализации Китая] / *У Цзинчао*. Ди сы чжун гоцзя дэ чулу [Выход для стран четвертого типа]. Пекин: Шаньу иньшугуань, 2010. С. 235.
22. *Чжун Сянцай*. Лунь Чжунго лиши шан дэ цзинци цзыю сысян [Об идеях экономической свободы в истории Китая] // Цзинци сысян ши пинлунь. Ди эр цзи [Обозрение истории экономической мысли.] / Ред. Гу Хайлянь, Янь Пэнфэй. Пекин: Цзинци кэсюэ чубаньшэ, 2007. Вып. 2. С. 230.
23. См.: *Сунь Дацяоань*. Чжунго цзинцзисюэ дэ чэнчжан. С. 266.
24. Чит. по: *Сунь Дацяоань*. Чжунго цзинцзисюэ дэ чэнчжан. С. 265–266.
25. *Тан Цинцзэн*. Чжунго шэнчань чжи сяньдайхуа ин цай гэжэньчжуи [При модернизации производства в Китае надо прибегнуть к индивидуализму] // Шэньбао юэкань. Т. 2. № 7. 15 июля 1933 г. С. 59–62.
26. *Тан Цинцзэн*. Цун лиши шан и гуаньча во го цзиньхоу ин цай чжи цзинци чжэнцэ [С точки зрения истории посмотрим, какую впоследствии в нашей стране следует проводить экономическую политику] // Цзинцзисюэ цзикань. Т. 7. № 1. Июль 1936 г. С. 174.
27. *Тан Цинцзэн*. Чжунго цзинци сысян ши. Шан цюань [История китайской экономической мысли Т. 1]. Шанхай: Шаньу иньшугуань, 1936. Подробнее о взглядах Тан Цинцзэна как историка см.: *Борох О.Н.* Наследие Тан Цинцзэна и изучение истории китайской экономической мысли в 1920-е — 1930-е годы // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. Выпуск 2. Март 2010. С. 78–93.
28. *Ма Иньчу*. Чжунго цзинци гайцзао. С. 52.
29. *Тан Цинцзэн*. Цун лиши шан и гуаньча во го цзиньхоу ин цай чжи цзинци чжэнцэ. С. 176.
30. «Лунь юй». Гл. XVI, 1 / *Переломов Л.С.* Конфуций: «Лунь юй». Исслед., пер. с кит., коммент. Факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 1998. С. 419–420.
31. *Тан Цинцзэн*. Цун лиши шан и гуаньча во го цзиньхоу ин цай чжи цзинци чжэнцэ. С. 175.
32. Там же. С. 176.
33. *Сунь Дацяоань*. Чжунго цзинцзисюэ дэ чэнчжан. С. 272–273, 242.
34. *Ма Иньчу*. Цзинцзисюэ гайлунь. Цзэндинбань цзысюй [Введение в экономическую науку. Предисловие к исправленному и дополненному изданию] // *Ма Иньчу цюаньцзи* [Полное собрание сочинений Ма Иньчу]. Т. 11. Ханчжоу: Чжэцзян жэньминь чубаньшэ, 1999. Т. 11. С. 208.

35. *Цзян Шоцзе*. Цзинци чжиду чжи сюаньцзэ [Выбор экономического строя] // Синь лу. Т. 1. № 3. Май 1945 г. С. 8–9.
36. *Чжун Сянцай*. Указ. соч. С. 231.
37. *Чэнь Чжэньхань*. Чжунго чжаньхоу цзинци цзяньшэ юй цзихуа цзинци [Послевоенное экономическое строительство в Китае и плановая экономика] // Дунфан цзачжи. 1943. Т. 39, № 15. С. 14–17.
38. *Чэнь Чжэньхань*. Цзинци чжэнцэ цзай Су Дэ цзяньшэ чжун дэ дивэй — цзинци цзяньшэ юй цзинци чжэнцэ вэньти чжи и [Роль экономической политики в строительстве СССР и Германии — один из вопросов экономического строительства и экономической политики] // Дунфан цзачжи. 1943. Т. 39, № 11. С. 21–28.
39. См.: *Янь Шуцин*. Указ. соч. С. 275.
40. *Лю Дацзюнь*. Гуньехуа юй Чжунго гуньэ цзяньшэ [Индустриализация и промышленное строительство Китая], 2-е изд. Шанхай: Шаньу иньшугуань, 1946. С. 9, 12.
41. *У Цзинчао*. Шэхуйчжуи юй цзихуа цзинци ши кэи фэнькай дэ [Социализм и плановая экономика могут быть разделены] // Синь лу. 1948 Т. 2, № 5. С. 10.
42. *Ма Иньчу*. Чжунго цзинци чжи лу [Путь экономики Китая] // Ма Иньчу цюаньцзи [Полное собрание сочинений Ма Иньчу]. Ханчжоу: Чжэцзян жэньминь чубаньшэ. 1999. Т. 12. С. 460.
43. *Сунь Дацюань*. Чжунго цзинцзисюэ дэ чэнчжан. С. 262.